

Яцук Наталия Алексеевна

"КАК ПОДОБАЕТ ДАМАМ": ПОЛЬСКАЯ АРИСТОКРАТКА РОЗАЛИЯ ЛЮБОМИРСКАЯ И КРАХ ШЛЯХЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ УТОПИИ

Статья посвящена борьбе за независимость Польши конца XVIII века, нашедшей отражение в образе казненной якобинцами княгини Розалии Любомирской. В настоящее время ее рассматривают в качестве жертвы политического террора, оставляя в стороне ее активную роль в жизни Польши. Целью данной работы является изучение патриотической деятельности княгини и причин ее эмиграции во Францию. Впервые была сделана попытка восстановить события последних месяцев ее жизни, повлекших за собой обвинение в заговоре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 209-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Как следствие, социальные практики: принципы реализации власти, способы управления обществом, экономические, правовые, межличностные отношения и другие характерные особенности организации современного западного общества – являются во многом результатом реализации модели общественного устройства, основанной на положениях с негативным значением. Так, онто-методологическая абсолютизация свободы приводит человека в современном обществе к этическому релятивизму, фрустрации, нигилизму. Доминирование рационализма приводит к усилению внешнего контроля, регламентации и стандартизации всех аспектов жизни личности и общества. Гипертрофированный индивидуализм порождает формы экзистенциального отчуждения, ослабление социальных связей и дестабилизацию общества.

В такой ситуации существует угроза девальвации культурных, нравственных оснований общества, а также нивелирование значимости самой человеческой личности. В результате происходит не просто «трансформация общества», но и возникновение различных структурных и функциональных аномалий в социальной системе, порождающих кризисные явления и процессы.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: Правда, 1989. 607 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 349-588.
3. Лютер М. О свободе христианина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regels.org/Luter-freedom.htm> (дата обращения: 15.05.2014).
4. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Поппури, 1998. 672 с.

CATEGORY OF FREEDOM IN LIBERAL IDEOLOGY: FROM THEORY TO SOCIAL PRACTICE

Yatsevich Mariya Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev
Maria762003@list.ru

The article presents a conceptual analysis of the category of freedom in liberal discourse. The author justifies an idea that classical philosophy absolutized and rationalized the freedom of an individual as opposed to the traditional Christian conceptions. This resulted in the development of its hypertrophied forms in social practices when freedom acquires negative characteristics in the form of value anomia, estrangement, absolutized individualism and other effects destroying the society.

Key words and phrases: social discourse; social practices; freedom; ideology; liberalism; rationalism; individualism; the Christian ethics.

УДК 94(438).06

Исторические науки и археология

Статья посвящена борьбе за независимость Польши конца XVIII века, нашедшей отражение в образе казненной якобинцами княгини Розалии Любомирской. В настоящее время ее рассматривают в качестве жертвы политического террора, оставляя в стороне ее активную роль в жизни Польши. Целью данной работы является изучение патриотической деятельности княгини и причин ее эмиграции во Францию. Впервые была сделана попытка восстановить события последних месяцев ее жизни, повлекших за собой обвинение в заговоре.

Ключевые слова и фразы: польская шляхта; разделы Польши; «польские якобинцы»; Любомирские; якобинский террор; история искусства; рококо; романтизм.

Яцук Наталия Алексеевна

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia.jatzuk@yandex.ru

«КАК ПОДОБАЕТ ДАМАМ»: ПОЛЬСКАЯ АРИСТОКРАТКА РОЗАЛИЯ ЛЮБОМИРСКАЯ И КРАХ ШЛЯХЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ УТОПИИ©

В истории Польши периода второго и третьего разделов (1793-1795), фактически положившего конец многовековому существованию Речи Посполитой как государства, существует несколько идеологически

важных событий, вплоть до символов, фраз и культурных кодов, сыгравших впоследствии роль фактора национального самосознания. Искусство соседних народов также сыграло свою роль в развитии и осмыслении ключевых мифологем того времени: так, Пушкин попытался дать литературное переосмысление русско-польских отношений в нейтральном ключе, Герцен встал на защиту старинной демократии, а Некрасов воспел жертвенность польки в образе собственной матери. Однако кроме событий и образов, имеющих в основном локальное значение, европейская история сохранила несколько менее масштабных, но более эмоционально окрашенных моментов, связанных с последними днями шляхетской республики. Так, одним из символов сопротивления имперскому произволу стала судьба Розалии Любомирской – женщины, относительно политических взглядов и национального самосознания которой многое до сих пор остается неясным: как в силу фактического отсутствия в источниках ее собственного комментария по поводу происходящего, так и из-за позднейшего искажения литераторов и мемуаристов. Однако во многом именно ее судьба стала основой для концепции «страдающей польки», ибо «полька во французской литературе XVIII века – это существо изящное, образованное, самоотверженное, но несчастное, ибо на него ополчаются и рок, и жестокость мужчин, а Польша – страна призрачная, существующая и не существующая одновременно» [7, с. 423]. Розалия Любомирская была одной из тех, кто вызвал этот образ к жизни, и вся дальнейшая историография была вынуждена считаться с подобной трактовкой ее судьбы.

Нельзя сказать, что мифологизация Любомирской началась после ее трагической смерти на эшафоте. С самого своего появления на светской сцене Варшавы княгиня оказалась прообразом и адресатом многих известных произведений. Приведем самый характерный пример. Известный польский поэт Юлиан Немцевич первым в литературе упомянул имя Розалии, переводя стихотворение Вольтера «Что подобает дамам?» под заглавием «Co sie damom podoba?» [25, s. 39-53], рассказывающее историю мимолетного приключения некоего рыцаря Роберта, который «жил во времена Дагобертов», и Марыси, молодой девушки, «свежей как малина». Рыцарь обещал Марысе заплатить за ее любовь золотыми дукатами, но сбежал, оставив ни с чем хорошенькую крестьянку. Тогда Марыся, пытаясь возместить ущерб, решила дойти до самого короля Роберта, который вместе с королевой Бертой загадал загадку двум тяжущимся сторонам: «Каково главное свойство женщины?» [Ibidem, s. 43]. Бедный Роберт под страхом смертной казни должен был ее отгадать, поскольку денег у безземельного феодала не было. Ответ рыцарю подсказала волшебница Ургента, явившаяся ему старушкой и потребовавшая у него жениться на ней: «Каждая женщина, будь она девица, вдова или замужняя жена, является хозяйкой у себя в доме» [Ibidem, s. 45]. Волшебница эта «такова, что ее не смог бы изваять Пракситель, ни изобразить кисть Апеллеса, такова была сила ее красоты, подобно Венеринной; ее снежно-белые руки играли длинными волосами; исполненная тысячей милых черт, дышащая ароматами – она ждала храброго Марса. Так она была прелестна, что в целом свете ее можно было сравнить лишь с Юлией, Коссовской и Александрувой» [Ibidem, s. 53]. Упомянутые три дамы – Юлия Потоцкая, урожденная Любомирская, Барбара Коссовская, урожденная Белинская, и героиня нашего повествования – княгиня Розалия Любомирская.

Нельзя не отметить, что с течением времени значимость Розалии как воплощения идеальной польки пополнилась новыми деталями: ее рождением в ставшем спустя двести лет печально знаменитым Чернобыле и мистическими историями появления ее призрака, что только добавляло новых деталей к образу невинной жертвы 1793 (или же 1794?) года. Как пишет Алла Ярошинская, «Чернобыль сыграл определенную роль в событиях Великой Французской революции. Одним из наиболее активных деятелей этого исторического явления была двадцатилетняя чернобыльская дама, Розалия Любомирская, урожденная Ходкевич. Ее судьба сходна с судьбами тысяч других: она была гильотинирована 20 июня 1794 года в Париже, обвиненная в связях с Марией-Антуанеттой и членами королевской семьи. Во время опустошительных войн, которые распространила Франция по всей территории Европы, эта молодая белокурая женщина со светло-голубыми глазами стала известна под именем «Розалии Чернобыльской»» [30, р. XIII]. Согласно местным городским легендам, «госпиталь, украшенный скульптурным изображением головы Розалии, в первые дни после одной из ужаснейших ядерных катастроф за всю историю был полон пострадавшими от взрыва. Измученные больные люди были потрясены видом скульптурного изображения головы прелестной незнакомки, чья красота резко контрастировала с окружающим их радиационным безумием. Местные жители рассказывают истории о том, что призрак молодой женщины с отрубленной головой в руках появлялся на окраинах города накануне трагического взрыва. Они настаивают на том, что это был дух Розалии Чернобыльской, которая пыталась предупредить своих земляков и предохранить их от неминуемой судьбы» [Ibidem, р. XIV]. Кроме того, согласно преданиям, Млынов, резиденция ее брата, «также располагал своей «белой дамой». Сигналом к ее появлению служили бесшумно распахивающиеся главные ворота, и тогда можно было наблюдать безголовое привидение, неслышно проходящее во двор» [20, р. 24]. Наряду с этим, ее смерть также стала объектом для спекуляций: так, Карл Отто Людвиг фон Арним, брат известного романтика и консерватора Ахима фон Арнима, утверждал, что княгиня отказалась бежать из тюрьмы с помощью веревочной лестницы, любезно предоставленной ей другим заключенным, ибо «нож гильотины возвышает женщину» [Цит. по: 15, р. 147].

Большую часть своей недолгой жизни Розалия не была ни героиней готических романов, ни вдохновительницей немецких романтиков. Тем не менее родившаяся 16 сентября 1768 года Розалия Ходкевич происходила из семьи, известной своими литературными традициями: так, ее дедом по матери был коронный гетман Вацлав Петр Ржевуский, один из вождей магнатской оппозиции и литератор [24, р. 181-182]. Ее дядя Северин Ржевуский был одним из вдохновителей Барской конфедерации, одно время он был в ссылке

в Калуге вместе со своим отцом. Северин был прославленным музыкантом, поэтом и даже изобретателем, совершенствовался в алхимии [14, р. 24-25]. Родители самой Розалии, впрочем, особыми талантами не отличались: хотя ее отец, граф Ян Миколай Ходкевич, и был участником Барской конфедерации, но позже успешно перешел на русскую службу с чином генерал-лейтенанта. Сама Розалия никогда не считала этот факт своей биографии чем-то постыдным и противоречащим польскому патриотизму, чем сильно отличалась от большинства своих современников.

Семья Ходкевичей была тесно связана с семьями Ржевуских и Любомирских: мать Розалии происходила из рода Ржевуских (как и муж ее дочери Розалии Александры), а ее бабка по линии матери – из Любомирских. За одного из представителей этого рода и вышла замуж девятнадцатилетняя Розалия в 1787 году. Род Любомирских – один из самых древних и знатных родов Польши, тем не менее вел свое происхождение от Рюриковичей, также как и Вишневецкие с Четвертинскими: сначала представители данной семьи перешли в униатство, а потом приняли католицизм [5, с. 92]. Муж Розалии, Александр, имел должность каштеляна киевского, но ничем особенным свой род не прославил, кроме тонкости обращения и привязанности к собственной жене. Как об этом вспоминал Адам Чарторыйский, «к полякам, общество которых доставляло нам (*братьям Адаму и Константину Чарторыйским – Н. Я.*) удовольствие, принадлежал и князь Александр Любомирский. Славный патриот, человек достойный и разумный, он обладал складом ума спокойным и в то же время веселым, благодаря чему мог иногда развеселить даже при самых грустных обстоятельствах, и мы часто отправлялись отбывать тяжелую визитную повинность вчетвером... Князь Александр, будучи бригадиром французской армии, долго жил в Париже. Он не питал большого доверия к постоянству прекрасного пола, и это еще более оттеняло живость его мысли» [11, с. 59].

И действительно, князю было от чего впадать в отчаяние: его молодая жена, известная при дворе последнего польского короля Станислава Понятовского, была красива и неверна мужу. В 1790 году портрет прекрасной «Александровой», под названием «Девушка с голубем (Аллегория утраченной невинности)», написанный художницей Анной Раецкой, в замужестве Го де Сен-Жермен, вызвал шумный восторг и отчасти скандал – не столько из-за самого сюжета, сколько из-за томного выражения лица натурщицы и ее обнаженной груди. Известны также многие другие портреты княгини: так, один из них, «Аталанта», купил сам Понятовский, им интересовалась даже Екатерина II [18, р. 179]. Сама княгиня лично знала Марию-Антуанетту, разделяя с ней эстетические воззрения и любовь к символической стороне искусства рококо, что проявилось в том числе и в выборе художников: так, излюбленными живописцами французской королевы и ее польской подруги были Элизабет Виже-Лебрен и Александр Кухарский, являвшийся учителем Анны Раецкой [16, р. 47] и последним, кто рисовал королеву при жизни. Судьба княгини Любомирской является своего рода аналогией судьбы ее французской подруги в глазах польских патриотов того времени: пройдя путь от блистательной аристократки до революционерки, она после смерти стала олицетворением невинной жертвы, мужественно встретившей свой последний час. Иное дело, что ее революционные устремления позднее были превратно истолкованы либо в пользу радикализма в духе Гуго Коллонтая, либо в типично польском ключе «сарматизма».

Александр Любомирский, киевский воевода, один из кандидатов на польский трон, был человеком несравненно более знатным, чем Станислав Август Понятовский, тогдашний король Польши милостью Екатерины II [13, р. 222]. По отцовской линии Александр происходил от сторонника Михала Корибута Вишневецкого и Яна III Собеского Александра Михала Любомирского, а также являлся родственником Ксаверия Браницкого, известного по Барской конфедерации. Отец Любомирского Станислав был известен как один из магнатов, подписавших документ о первом разделе Польши, наряду с князем Адамом Чарторыйским, известным также как пламенный патриот и претендент на корону Речи Посполитой [9, с. 828-830]. Как заявлял дореволюционный историк А. А. Лефорт, «в самом деле, что потеряла бы Польша, изъявив согласие на требования Императрицы Всероссийской? Чего лишилась бы она при уравнивании прав диссидентов с католиками? Ничего, решительно ничего; даже и в том случае, если бы необходимость заставила обуздать самолюбие, или фанатизм, некоторых из ревностнейших приверженцев католицизма, тем более, что патристические чувствования, если они только существовали в Польше или по крайней мере имели истинное направление, равно могли одушевлять и католиков, и диссидентов» [6, с. 170-171]. По его мысли, «веротерпимость царствовала во всех просвещенных государствах» ко времени создания Барской конфедерации [Там же, с. 169]. Однако в данном случае автор ошибался: после издания эдикта Фонтенбло гугенотам во Франции так и не были возвращены гражданские права, Польша же ничем не отличалась от Франции в отношении свободы совести, кроме того, что ее внешнее и внутреннее положение было нестабильно, а католицизм составлял костяк польской нации. До самого 1787 года гугеноты не пользовались одинаковыми правами с католиками, по этому же пути шла и Польша. Сам Александр Любомирский служил во французской армии в чине генерала, был награжден орденом Святого Людовика. Обстоятельства жизни Любомирских были необычными для того времени: ориентированность на Францию, а не на германские земли, моноэтничный состав семьи (большинство родственников супружеской четы были исконно польского происхождения) [8, с. 157], незначительная степень религиозности, не игравшая особой роли в сохранившихся документах личного характера. Об их семейной жизни известно мало: Александр был старше супруги на тринадцать лет, что было тогда довольно незначительной разницей в возрасте.

Не столь много известно о политических взглядах княгини, сколь о ее светской жизни того периода: так, она посещала почти все светские салоны Парижа и Ниццы [13, р. 222], а также кантон Во, прославленный романами и жизнью Жан-Жака Руссо: эту привязанность с ней разделяли такие люди, как будущий консервативный

публицист Малле дю Пан, друживший с автором «Впечатлений от прочтения «Исповеди» Руссо» Серваном [21, р. 330]. До самого прихода к власти якобинцев Руссо не ассоциировался с революционным террором: так, его могилу в Эрменонвиле навещали великий князь Павел Петрович с супругой [2, с. 122], и сама Мария-Антуанетта оказывала честь идеям и книгам женевого мыслителя, приняв участие в своеобразной церемонии «встречи восхода солнца» в 1776 году [10, с. 196-197]. Мода на «естественность» и «чувствительность», охватившая Францию и весь остальной «цивилизованный» мир, явилась следствием как идей Руссо, так и концепции «благородного дикаря» Монтеня, проявившись уже во время царствования Людовика XV, когда маркиза де Помпадур стала исполнять в театре Версаля роли идеализированных пастушек. Впрочем, для большинства населения подобная практика была сколь непонятной, столь и скандальной: так, например, Екатерина II осуждала моду на античную и «пейзанскую» одежду, распространявшуюся в последние годы ее царствования [4, с. 109-110]. Даже откровенно бунтарские сочинения, вроде «Женитьбы Фигаро» Бомарше, не были восприняемы как нечто возмутительное даже накануне самой революции [3, с. 152-153, 199].

Даже находясь за границей, Розалия никогда не забывала о собственном многочисленном семействе: помимо нее, в семействе графа Яна Николая Ходкевича было шестеро детей, из которых до взрослого возраста дожили только двое (старший сын Ходкевичей, Вацлав, скончался в 1784 году в семнадцатилетнем возрасте). Все это известно из ее писем. В 1781 году она писала своему брату Вацлаву: «Мой дорогой брат! Уже полвека прошло, а я не имею ни одной весточки от моего любимого брата; в чем же причина такого молчания? Видно, свет варшавский так увлек тебя, что ты позабыл свою любимую сестрицу, хоть и обещал писать ей. Если б так было, ты бы написал мне первым и гораздо раньше, а не промешкал с письмом, оставив меня грустить без тебя. В Чернобыле же не имеется таких красот, которые бы заставили меня хоть немного, да позабыть любезного братца. Напротив, каждое мгновение приводит с собой мысль о брате, которого я люблю всем сердцем и до самого последнего вздоха...» [23]. Как сообщала сама Розалия, тогда еще незамужняя, но уже потерявшая любимого отца, «каждая строчка твоего письма священна для сердца твоей сестры, которое дышит привязанностью и страстью» [Ibidem]. После смерти «любезного братца» Вацлава ничто не могло утешить Розалию, которая даже взялась сочинять меланхолические элегии на его кончину; к своему брату Александру она в письмах обращалась не иначе, как просто «дорогой брат», ее письма все более напоминают отчеты о светских увеселениях варшавского двора. 22 февраля 1784 года она впервые упоминает в письмах о знакомстве с «Ксаверием Любомирским, воеводой киевским, генерал-майором войск российских» [Ibidem]. Он был братом Александра, который в 1785 году женился на Розалии, а также мужем ее кузины Теклы Ржевуской.

Говоря о любви в те времена, нельзя сказать, что браков по личной склонности в XVIII веке не было: так, невеста и будущая жена Ксаверия Любомирского Текла Ржевуская была искренне привязана к своему нареченному, как это видно из писем. Однако можно с уверенностью утверждать, что семейная жизнь Любомирских была обречена с самого начала: брак с влиятельным членом богатейшей семьи, одним из претендентов на польскую корону, должен был польстить тщеславию Розалии Ходкевич. Жизнь же во Франции сделала из нее политика и патриотку, раздираемую противоположными чувствами – желанием свободы и стремлением остаться верной монархисткой. В 1786 году у Розалии и Александра родилась дочь Людвика, названная в честь любимой бабушки князя [Ibidem]; а в 1788 году к ней присоединилась единственная выжившая дочь княгини, Розалия Александра, известная как тетка Эвелины Ганской-Бальзак и супруга востоковеда Вацлава «Эмира» Ржевуского. Несмотря на семейные радости, княгиня была патриоткой и демократкой, что и проявилось в 1791 году.

Говоря о польской демократии, и в частности великосветской польской демократии, не стоит забывать, что понятие о ней в большинстве случаев отличалось как от идеалов французских просветителей, так и от живого примера демократического образа правления – парламентарной Англии. Как утверждал сам Бальзак, «поляков сочли приверженцами республиканской партии, закрыв глаза на то, что Польша – республика аристократическая... Увы, существует два типа поляков-эмигрантов – поляки-республиканцы, сыны Лелевеля, и поляки-аристократы, которые принадлежат к партии, возглавляемой Чарторыйским. Эти два типа поляков так же враждебны друг другу, как вода и огонь. Но разве они в этом виноваты?» [1, с. 221]. Возможно, что и нет: ведь существовал еще и третий тип поляков, которому была суждена недолгая жизнь. В 1791 году, 3 мая, частью либерального сейма Речи Посполитой под руководством просветителя Гуго Коллонтая была принята Конституция, одной из первых утвердивших права третьего сословия и неприкосновенность собственности. Кроме того, отныне упразднилось право *liberum veto*, а престол закреплялся за Саксонской династией [22, р. 82-83]. То, что при этом сохранялось право шляхты на свои владения, нравилось магнатам, то, что отныне буржуазия могла скупать феодальные земли и аноблироваться, нравилось многим; принцип главенства католической религии был сам собой разумеющимся – Польша следовала как по пути Франции, так и по пути княжеств Священной Римской империи. Принцип «чья земля, того и религия» (*cuius regio, eius religio*) на польских территориях тоже действовал, хотя и не носил никакого названия: первые короли из династии Пястов приняли католицизм, а за ними последовали их придворные, этот обычай остался в силе и при выборных королях, которым предписывалось быть католиками. Тем не менее Екатерина II окончательно присоединила Польшу, руководствуясь именно принципами защиты веротерпимости. Розалия Любомирская, очарованная сенатором Тадеушем Мостовским, приняла сторону повстанцев.

Будущая икона республиканцев лично знала императрицу Екатерину II: «Госпожа гетманша Браницкая была настолько вежлива, что представила меня Императрице, которая, согласно принятому обычаю, при целовании ей руки, расцеловала мне лицо и молвила мне несколько слов, то есть *elle m'a dit: "Je connaissais*

beaucoup votre Père” <Я хорошо знала вашего отца – франц.>, на что я ответила: “*Il a eu l’honneur d’être au service de Votre Majesté*” <Он имел честь служить Вашему Величеству>, – *–Demeurez – vous loin?*” <Так он умер? И когда же?> – *–Aune vingtaine de lieux*” <Около двадцати лет назад>. Когда я это рассказала, она вздохнула и любезно на меня посмотрела» [23]. Недолго княгиня интересовалась русским двором и восхищалась любезностью петербургских вельмож; год 1782 застал ее в Швейцарии, из которой ее тщетно уговаривали уехать, тем более что ее дворецкий к тому времени был уже арестован, а прислуга оставила ее «исполнять самой всю женскую работу» [21, р. 332]. К тому времени княгиню увлекали уже совсем иные политические хитросплетения, нежели Польша. Как, согласно преданию, заявил еще Костюшко в 1794 году, «*Finita est Polonia*», но для Любомирской польские интересы уступили место французским уже в 1792 году.

Это было отнюдь не новым явлением: достаточно вспомнить Марию Валевскую, которая была убеждена в том, что ее связь с Наполеоном послужит польской независимости. Здесь же был пример другого рода: даже под угрозой смертной казни княгиня Розалия оставалась преданной делу монархии. Как гласил анонимный донос от 30 марта 1794 года (8 жерминаля II года Республики), «молодая, красивая княгиня, возможно, нарушила закон неумышленно. Арестована и находится в заключении около пяти месяцев вместе с проститутками и преступниками. Ее исповедником был некто Венсан, с которым она поддерживала близкие отношения. Сей негодяй вовлек ее в заговор, действуя под влиянием преступных группировок. Можно подумать, что арест молодых и прелестных женщин служит для того, чтобы отвратить иностранцев от откровенной поддержки ими революции, и теперь эта дама служит для своих соотечественников предостережением против революции. Комитету необходимо обратить внимание на тех заключенных, которые невиновны в совершении какого-либо преступления и которых тюрьма уже и так привела к раскаянию» [23]. Неизвестно, кто написал данное письмо, но глава полицейского отделения Годар, допросив княгиню Любомирскую, обвинявшуюся «в связи с агентами российского двора», сообщил министру иностранных дел (которым тогда был робеспьерист Дефорж), что княгиня заявила о своей причастности лишь к польским патриотам, которые скрывались в предместьях Парижа от русского правительства [Ibidem]. Однако в дело вмешался председатель Комитета общественной безопасности Барер, арестовавший и допросивший некоего гражданина Ла Шапеля, который с некоторых пор являлся дворецким княгини; комиссары Комитета, обследуя квартиру Любомирской, заявили о нахождении там «дружеских писем», а также «чернильницы с портретом, как мы обнаружили, бывшей королевы; в самом деле, там были еще два портрета, один из которых, медальон, как две капли воды похож на изображение, украшавшее чернильницу, а на втором изображены члены семьи» [Ibidem]. Двусмысленность выражения не позволяет понять, изображали ли эти портреты членов семьи самой Любомирской или же семьи Бурбонов, а может, что и ее возлюбленных.

Княгиня была казнена 12 мессидора II года Республики, что соответствовало 21 июня 1794 года; люди, виновные в ее смерти, – Барер и Дефорж, – позже приняли участие в термидорианском перевороте, что более соответствовало их дворянскому происхождению и стремлению к накопительству, чем революционная диктатура. Князь Александр Игнаци Любомирский, которому принадлежит заслуга публикации писем своих родственников, опустил многие интересные подробности жизни Розалии. Так, в Париже она жила в особняке Зальм, принадлежавшем видному роялисту и стороннику Людовика XVIII князю Фридриху III Иоганну Отто Францу Христиану Филиппу Зальм-Кирбургскому и его сестре Амалии-Зефирине Гогенцоллерн [28, р. 223-224]. Как предполагают исследователи, она состояла в связи с ним, а также была промежуточным звеном в цепи, соединяющей победоносного генерала Дюмурье с контрреволюцией и дантонистами. Если последняя партия предпочла пожертвовать ей, то роялисты до последнего держались мысли, что в деле княгини не все потеряно: так, ей была приписана беременность в надежде отсрочки неизбежной казни [23]. Тем не менее почти все ее покровители были казнены: за генералом Артуром Диллоном, одним из победителей при Вальми [12, р. 128], последовал человек, содержавшийся с ней в заключении, имя которого позже станет известным – Александр де Богарне. Судя по всему, именно он или же Ла Тремуй, предполагаемый отец ее ребенка, предложили свою жизнь в обмен на жизнь Розалии. Если говорить о Богарне, то он всю свою жизнь был не самым верным роялистом: так, во время Вареннского кризиса он и другие депутаты Национального собрания, имевшие несчастье быть либеральными аристократами в это непростое время, собрались на его квартире, обсуждая животрепещущий вопрос: поддержать им или осудить намерение короля начать гражданскую войну [26, р. 180]. В конце концов «неосторожный» Богарне не нашел ничего лучше, чем объявить Ассамблею виновной в заговоре против короля, который предпочел от нее скрыться [Ibidem, р. 188]. Кроме того, Богарне также был причастен к Зальм-Кирбургам: принцесса Амелия стала лучшей подругой Жозефины, поскольку «она была одной из немногих женщин в Париже, предпочитавших разговаривать о любви и моде, чем о политике» [28, р. 108].

Было ли то сознательное упущение или же отсутствие верных сведений о ее жизни во Франции, но после смерти образ Розалии был героизирован: несмотря на то, что она оставила польское патриотическое движение, сторонники Костюшко в своих воспоминаниях пишут о конституционном сейме, где блистала одна из «прекраснейших молодых варшавянок», которым принадлежало сердце Юзефа Понятовского [27, р. 97]. Юзеф Понятовский, маршал Франции, погибший во время переправы через Вайсе-Эльстер, был в глазах поляков несомненным героем, отдавшим жизнь за свободу отчизны. Согласно иностранным свидетельствам, «Фанни» Любомирская была «столь же известна своей красотой, сколь благородством ее рождения» [19, р. 284]. Причина, по которой княгиня Любомирская, будучи матерью пятилетней дочери и находясь в опасности из-за революционного трибунала, не покидала пределов Франции, объяснялась просто: «ее <княжны Розалии

Александры» безопасность она полностью доверила священным законам нации» [Ibidem]. Ее истинная виновность или невинность, как правило, не обсуждалась: даже если она и была связана с роялистами, для ее биографов это было только плюсом к ее чувствительности. Как мы знаем, немного, найденное в квартире Розалии, носило скорее нейтральный характер; для монархов того времени было типичным дарить сувениры на память иностранным гостям. Ничего не знаем мы и о характере взаимоотношений Розалии и Марии-Антуанетты: было ли то простое представление ко двору или речь шла о приятельстве? В любом случае, истинный сторонник Людовика XV и Марии-Антуанетты должен был бы отклонить сотрудничество с братьями короля, как это сделал барон де Бретей, «человек королевы» [26, р. 111-112], не присоединившийся ни к одному из принцев, отношения которых с королевской семьей были полны непонимания и фрондерства.

Образ Розалии как страдальницы и невинной жертвы имел в представлении народа много общего с образом самой Марии-Антуанетты: красота, знатность, материнство, привязанность женщины-простолюдинки (у Розалии – прачки по фамилии Берто [19, р. 285], у королевы – горничной Розалии Ламорльер [10, с. 537-539]). «Култ Розалии», если так можно выразиться, включал и ее осиротевшую дочь, княжну Розалию Александру, за которой поехал ее дядя граф Ржевуский и нашел ее у добросердечной прачки, которая заменила ей родную мать. Согласно графу де Ла Гарду, Ржевуский встретил девочку на улице и был поражен ее красотой; распрощав маленькую Розалию и ее воспитательницу Берто, он убедился в том, что перед ним стоит его племянница. Закончилось все благополучно: «Берто, продолжай быть ее матерью – отныне она не покинет тебя. Она станет частью твоей семьи, а ты, в свою очередь, будешь принята в ее дом: Розалия отныне разделит с тобой свою жизнь и состояние!» [19, р. 287] Если верить Варваре Головиной, ничего этого не было, и дочь «одной из жертв революционного варварства» воспитывалась тюремщиком, который «отказывал ей даже в черном хлебе, составлявшем ее единственную пищу» [4, с. 411]. Тем лучше: миф о «польской Марии-Антуанетте» пополнился жизнью несчастной девочки благородного происхождения, страдавшей подобно Людовику XVII и воскресшей из пепла подобно единственной дочери королевской семьи, герцогине Ангулемской. Чувству сопереживания к Розалии предавались не только аристократы, не только французы и поляки: как-никак, княгиня Любомирская была либеральных взглядов и верила в силу и непреложность закона, а ее собственная судьба и судьба ее дочери служили как бы назидательной иллюстрацией к сентиментальным романам того времени. Кроме того, образ Любомирской был для польского народа настолько же важным доказательством благородства духа, верности данному слову и аристократического достоинства перед лицом смерти, как голова мадам де Ламбаль для ванзейцев и идеологов эпохи Реставрации. Как бы то ни было, ее личные взгляды и мысли остаются «вещью в себе», поскольку известные нам источники не сохранили каких-либо абстрактных размышлений княгини на тему политики: все, что нам осталось – это ее оценка конкретных исторических личностей, которые для нее были друзьями, возлюбленными и знакомыми – приятными и неприятными. Памятуя об этом, вся жизнь Розалии – дочери русского офицера и противницы всего русского, светской дамы, удалившейся от семейного очага, – была очищена польскими и иностранными идеологами от всего того, что могло бы свидетельствовать против нее в новое, раздираемое партийными противоречиями время. Мученическая смерть на излете якобинской диктатуры, верная дружба с королевской семьей и пылкий патриотизм – все это вполне отвечало духу романтизма, тоске по старому режиму и подъему национального самосознания, последовавшему за созданием Священного союза. Когда русский посланник Иван Матвеевич Симолин сказал в парижском салоне княгини, что все-таки Екатерина II, при всем ее отношении к Польше, «без сомнения, одна из редчайших женщин», один из посетителей Розалии ответил ему: «И слава Богу!» [29, р. 28]. Именно эта «обыкновенность» и «женственность» пришлась по душе всем, кто продолжал воспевать ее образ: «О Любомирская, кто дал тебе эти наивные прелести, эти благородные манеры, кто вложил в твои сарматские губы истинно французскую речь? Но, как бы то ни было, ладан, который галлы некогда воскурляли перед лицом своих богов, уделил и тебе значительную долю своего аромата» [17, р. 50] (Ипполито Пиндемонти, «К Александре Любомирской», 1801). Можно признать, что как сам образ Розалии Любомирской был искажен мемуаристами в силу идеологии, ностальгических чувств или иных причин, так и дальнейшая переработка легенды продолжала пополняться все новыми и новыми подробностями. «Польский якобинизм», который первоначально олицетворял собой «миф о Розалии» (подобно тезису Верньо о «революции, пожирающей своих детей»), исчез из ее официального жизнеописания раньше всего: причиной тому был конфликт между разными группами польской эмиграции. К середине XIX века миф утратил черты роялизма, став воплощением некоего идеального образа женщины былых времен – аристократки, космополитки и жертвы произвола. В связи с ростом декадентских настроений и феномена «fin de siècle» главной составляющей судьбы Розалии стала сама смерть... и то, что за ней последовало, согласно верованиям многочисленных в то время спиритуалистов. Подобная трактовка образа долгие годы сохранила свое значение в связи с событиями в Чернобыле и сложной ситуацией на постсоветском пространстве, связанной с поиском национальной идентичности и отсутствием твердых социальных гарантий пострадавшему населению. Так образ Розалии приобрел нехарактерные для него до сих пор черты благодетельницы и народной заступницы. Возможно, именно сейчас настало время его пересмотреть ретроспективно, чтобы избежать дальнейшей аберрации памяти, так или иначе помещающей его в мариолог Французской революции и борьбы за независимость Речи Посполитой.

Список литературы

1. Бальзак О. де. Мнимая любовница // Бальзак О. де. Шагреневая кожа: роман, новеллы. М.: ИД «Комсомольская правда», 2007.
2. Боханов А. Н. Павел I. М.: Вече, 2010.
3. Буторов А. В. Князь Николай Борисович Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. М.: Астрель, 2012.
4. Головина В. Мемуары. М.: АСТ; Астрель; Люкс, 2005.
5. Гордеев А. А. История казаков. М.: Страстной бульвар, 1992. Т. III.
6. Лефорт А. А. История царствования Государыни Императрицы Екатерины II. М.: В типографии С. Селивановского, 1838. Часть пятая.
7. Мильчина В. А. Комментарии // Констан Б. Проза о любви. М.: ОГИ, 2006.
8. Самыловская Е. А. Социальные связи петербургских католиков в первой половине XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 2. С. 153-158.
9. Трактат между Россиею и Польшею – о восстановлении мира между обоими державами, и о присоединении к России некоторых от Польши земель: № 14.042, 18 сентября 1773 года // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. XIX. С. 827-833.
10. Фрэзер А. Мария Антуанетта: жизненный путь. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
11. Чарторижский А. Воспоминания и письма. М.: Захаров, 2010.
12. Bertaud J.-P. Valmy. La démocratie en armes. P., 2013.
13. Blanc O. La Dernière Lettre. Prisons et condamnés de la Révolution 1793-1794. P., 2013.
14. Derdej P. Zieleńce-Mir-Dubienka 1792. Warszawa, 2000.
15. Dickson Sh., Wingertzahn Ch. Selig sind Deine Selbsttäuschungen: Carl Otto Ludwig von Arnim (1779-1861) // Schriften der Internationalen Arnim-Gesellschaft. Tübingen, 2003. B. 4.
16. Dobrowolski T. Malarstwo polskie, 1764-1964. Warszawa, 1968.
17. Epistole in versi d'Иppolito Pindemonti Veronese. Firenze, MDCCIX.
18. Gazette de beaux-arts. Paris: J. Claye, 1947.
19. Journal of a Nobleman; Comprising an Account of His Travels, and a Narrative of His Residence at Vienna, during the Congress. L., 1831. Vol. II.
20. Korwin-Piotrowska S. de. L'étrangère, Éveline Hanska de Balzac. P., 1938.
21. La vie de societe dans le Pays de Vaud a la fin du XVIII siècle. Lausanne – P., 1911.
22. Lerski J. J. Historical Dictionary of Poland, 966-1945. Westport, 1996.
23. Listy Aleksandra I Rozalii Lubomirskich [Электронный ресурс]. W Krakowie, 1900. URL: http://virtualo.pl/?q=listy+aleksandr&f=title_eq>Listy+Aleksandra+i+Rozalii+Lubomirskich (дата обращения: 18.04.2014).
24. Lukavski J. Liberty's Folly: The Polish-Lithuanian Commonwealth in the Eighteenth Century. Rutledge, 2013.
25. Niemcewicz J. U. Ziela poetyczne, wiersem I proza J. U. Niemcewicza. W Lipsku, 1838. Tom 3.
26. Ozouf M. Varennes. La mort de la royauté (21 juin 1791). Barcelone, 2005.
27. Pamiętniki Kajetana Koźmiana. Oddział II. Poznań, 1868.
28. Stuart A. The Rose of Martinique: A Life of Napoleon's Josephine. L., 2003.
29. Swinburne H. The Courts of Europe at the Close of the Last Century. London, 1841. Vol. II.
30. Yaroshinskaya A. A. Chernobyl: Crime without Punishment. Piscataway, 2011.

**“IN LADIES“MANNER”: THE POLISH ARISTOCRAT ROZALIYA LYUBOMIRSKAYA
AND COLLAPSE OF THE SZLACHTA“SDEMOCRATIC UTOPIA**

Yatsuk Nataliya Alekseevna

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
natalia.jatzuk@yandex.ru

The article is devoted to the struggle for Poland independence of the end of the XVIII century reflected in the image of the princess Rozaliya Lyubomirskaya executed by the Jacobins. At present she is considered as a victim of political terror leaving aside her active role in the life of Poland. The goal of the work is to study the patriotic activity of the princess and the reasons of her emigration to France. An attempt to retrace the events of the last months of her life that entailed charge with conspiracy is made for the first time.

Key words and phrases: the Polish szlachta; divisions of Poland; –the Polish Jacobins”; the Lyubomirskii; the Jacobinic terror; history of art; rococo; romanticism.